

особую главу дѣйствующему законодательству. Въ концѣ сочиненія авторъ задаетъ вопросъ: насколько полезно существованіе сословныхъ различій въ сферѣ гражданского права?—и тутъ же отвѣчаетъ, что „особенности въ гражданской правоспособности лица, находящіяся въ зависимости отъ его принадлежности къ тому или другому сословію, должны быть признаны безусловно вредными для государства и потому нежелательными“.

Мы изложили содержаніе сочиненій №№ 1-й и 2-й. Сравнивая эти сочиненія, мы должны отдать преимущество сочиненію № 2-й. Авторъ его выказываетъ и большую самостоятельность и большую начитанность; кромѣ того сочиненіе № 2-й написано и болѣе яснымъ языкомъ. Принимая въ соображеніе все это, я просилъ бы факультетъ присудить премию Заруднаго сочиненію № 2-й.

И. Событіанскій.

7 января 1893 г.

Разборъ сочиненія „О консулахъ“ (Подъ эпитафюмъ „Прошло время пословъ и возвратилось время консуловъ“ изъ Шатобріана).

Неизвѣстный авторъ сочиненія съ эпитафюмъ изъ Шатобріана, признавая за консульскимъ институтомъ „особое, выдающееся значеніе“, справедливо усматриваетъ въ солидарности экономическихъ интересовъ между народами ту почву, на которой возросли и развились консульскія учрежденія; преобладающее же вліяніе экономическихъ факторовъ въ сферѣ международныхъ отношеній XIX вѣка объясняетъ, по мнѣнію автора, и возрастающее значеніе въ нашемъ столѣтіи консуловъ на ряду съ замѣтно упавшимъ значеніемъ дипломатическихъ агентовъ. Эту вѣрную точку зрѣнія неизвѣстный авторъ иллюстрируетъ въ сжатомъ и отчасти поверхностномъ очеркѣ вліянія разныхъ факторовъ на установленіе и укрѣпленіе связей, соединяющихъ народы (вліяніе религіи и церкви, нравственныхъ понятій и научныхъ свѣдѣній; см. стр. 2—15). Этотъ отдѣлъ (какъ бы введеніе) былъ бы и полнѣе и убѣдительнѣе по конечнымъ результатамъ, если бы авторъ коснулся теоріи международного правового общенія и прослѣдилъ характерныя проявленія начала правового общенія въ важнѣйшихъ международныхъ трактатахъ нашего вѣка: исторія, широкое развитіе и современная конструкція консульскихъ учрежденій являются убѣдительными доказательствами и матеріаломъ—опорою для этого начала, на

которомъ въ настоящее время только и возможно научное построение международного права; опираясь на требованія начала международно-правового общенія, можно не только построить весь консульскій институтъ, но и выяснитъ, поставить на твердую почву необходимыя въ немъ реформы. Современная же литература (даже на одномъ русскомъ языкѣ) и въ частности нѣкоторыя изъ сочиненій, которыми пользовался авторъ этой работы, давали ему и толчокъ и достаточный матеріалъ для выполненія этой части его труда. Нужно, однако, отдать справедливость автору: онъ понялъ и вполне уяснилъ себѣ нерасторжимую связь между факторомъ торговли въ ея всемірномъ значеніи (и вообще экономическими интересами народовъ) и консульскими учреждениями, ихъ прошлымъ и настоящимъ; онъ примыкаетъ къ взгляду Іеринга (Духъ римскаго права), глубоко вѣрному, если принять его въ ограниченномъ смыслѣ, т. е. по отношенію къ нѣкоторымъ институтамъ международного права (особенно консульскому учрежденію), именно, что „торговля—двигаящая сила не только дома для развитія частнаго права, но и для образованія международного права“, что она (торговля) или, вѣрнѣе, „обмѣнъ матеріальныхъ и духовныхъ богатствъ, не есть только дѣло интереса и свободной воли народовъ, но *есть право и обязанность*, сопротивленіе же исполненію этой обязанности есть возмущеніе противъ порядка природы, противъ заповѣди исторіи, почему *замкнутость народа—есть его смертный грѣхъ, такъ какъ высшій законъ исторіи—общеніе*“. Извѣстно, однако, что одностороннее пониманіе и строго логическое развитіе этой въ существѣ вѣрной мысли приводитъ нѣкоторыхъ писателей (нѣкоторыхъ экономистовъ и юристовъ Англій, напр. Филлимора) къ превратному истолкованію существа международныхъ отношеній и задачъ общенія, которыя оказываются не мирнымъ сожитіемъ народовъ въ организованномъ порядкѣ, стремящимся къ осуществленію великой задачи—всесовершеннаго развитія человѣка и всего человѣчества, а сожитіемъ народовъ высшей культуры, воюющихъ и чинящихъ насиліе надъ народами дикими и полудикими, якобы для достиженія указанной возвышенной цѣли. Основа этого извращеннаго взгляда лежитъ въ ученіи Іеринга, служившемъ на столько же требованіямъ науки правовѣдѣнія, на сколько и гегемоническимъ стремленіямъ Германіи (не даромъ же въ юриспруденціи Іеринга мы встрѣчаемъ отождествленіе права и силы): Іерингъ оправдываетъ насильственное открытіе европейцами рѣкъ и гаваней Небесной Имперіи и принужденіе ея къ торговлѣ съ ними (см. Іерингъ. Духъ римскаго права I, 6). Понятно, что такой выводъ (конечная посылка изъ основъ ученія)—глубокое противорѣчіе съ существомъ понятія о торговлѣ

(обмѣнѣ), какъ о факторѣ *мирнаго* сближенія и слиянія народовъ на почвѣ общей для нихъ необходимости обмѣна и замѣны продуктовъ лишннихъ и недостающихъ имъ. Неизвѣстный авторъ разсматриваемаго сочиненія понимаетъ это; онъ не присоединяется къ этому выводу Терпига, а примыкаетъ, опираясь на постановленія Берлинской Африканской Конференціи, къ мнѣніямъ Кальво, Даневскаго и другихъ, которые „предоставляютъ сближающему *вліянію времени добровольное возникновеніе сношеній вообще* и въ частности торговыхъ между этими народами различныхъ культуръ“ и полагаютъ, что „въ этихъ сношеніяхъ торговля и теперь уже успѣла посѣять сѣмена, которыя не могли быть оплодотворены силами одного оружія“ (стр. 9 и 10). Въ заключеніе этого „введенія“ авторъ, имѣя въ виду уяснить громадное значеніе и сближающее вліяніе международной торговли въ переживаемое нами время, значеніе и вліяніе, весьма могущественно отражающіяся на консульскомъ учрежденіи, призванномъ главнымъ образомъ къ охранѣ всемірно-торговаго оборота, приводитъ, пользуясь изслѣдованіями Alf. de Fovilla (La France économique 1889) и Карла Шерцера (Der Wirthschaftliche Verkehr der Gegenwart 1891) статистику торговаго оборота (ввоза и вывоза) нѣкоторыхъ (важнѣйшихъ) державъ Европы.

Во второй главѣ (замѣтимъ кстати, что авторъ не даетъ дѣленія на главы, заканчивая отдѣлы безъ нумерацій и заглавій; я за него дѣлаю для ясности эти дѣленія) отъ стр. 15 до стр. 64—неизвѣстный авторъ излагаетъ исторію возникновенія и развитія консульскихъ учрежденій, отдѣляя при томъ историческій очеркъ консульствъ на западѣ отъ исторіи ихъ на востокѣ. Такъ поступаютъ извѣстные изслѣдователи консульскихъ учрежденій проф. Мартенсъ и Наумовъ, а также проф. Даневскій и другіе, вынуждаемые къ тому существенными различіями въ самихъ причинахъ и условіяхъ, вызвавшихъ и окружавшихъ учрежденіе консуловъ на западѣ и востокѣ и повліявшихъ на коренное же различіе въ современной организаціи, функціяхъ и въ самомъ характерѣ консуловъ востока и запада. Въ частности весьма своеобразную и интересную исторію ихъ на востокѣ, онъ, слѣдуя сочиненію проф. Ф. Мартенса (О консулахъ и консульской юрисдикціи на востокѣ), дѣлитъ на 3 періода (1-й отъ среднихъ вѣковъ до завоеванія Константинополя турками въ 1453 году; 2-й отъ 1453 г. до заключенія въ 1783 г. торговаго трактата между Турціей и Россіей—этотъ трактатъ есть „*eröschmend*“, и 3-й отъ 1783 г. до нашихъ дней). Было бы правильнѣе закончить этотъ періодъ 1875 годомъ, т. е. введеніемъ смѣшанныхъ судовъ въ Египтѣ, которые, какъ вѣрно понимаетъ это и авторъ разсматриваемаго сочиненія, призваны, по всѣмъ признакамъ,

къ тому, чтобы вытѣснить собою такъ называемыя капитуляціи, на которыхъ строились всѣ отношенія (и консульскія учрежденія) между Востокомъ и Европою въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій, но которыя, въ сомнѣній, отжили свое время, скорѣе вредятъ сближенію между культурными и малокультурными народами. Эта глава есть плодъ старательнаго изученія и вѣрнаго изложенія сочиненій Наумова (нынѣ библиографическая рѣдкость), Ф. Мартенса, А. Стоянова, В. Даневскаго, Капустина, Кальво и нѣкоторыхъ другихъ. Отметимъ здѣсь (стр. 18 и 19) неточный переводъ съ латинскаго текста Вестготскаго законодательства VIII вѣка (въ переводѣ самая сѣть упущена).

Глава III-я (стр. 65—94) посвящена выясненію и опредѣленію понятія о консулѣ и характера этого важнаго учрежденія. Здѣсь авторъ, разбираясь во множествѣ мнѣній о характерѣ этого учрежденія (замѣчу кстати, авторъ излагаетъ ихъ слишкомъ подробно и казуистично, не принципиально; между тѣмъ эти мнѣнія можно свести къ 3 группамъ), *очень хорошо анализируетъ ихъ по существу*; приемы анализа вѣрны, почему онъ съ текстомъ законодательства и рѣшеній судовъ (напр. французскаго законодательства и рѣшеній англійскаго суда) въ рукахъ приходитъ къ вѣрному заключенію, къ тому, что консулы—*правительственные агенты, но безъ представительнаго характера* (чѣмъ они отличаются отъ дипломатическихъ агентовъ), что они—*органы социальныя интересовъ между народами*, а главное значеніе ихъ—*охрана торговыхъ интересовъ* своего отечества (см. стр. 92, 93, также 86—91). Въ этой главѣ онъ пользуется тѣми же пособіями, что и въ предыдущей плюсъ сочиненіями Геффтера, Блунчли, курсами проф. Ф. Мартенса и Капустина; онъ пользуется и здѣсь и въ слѣдующей главѣ и русскимъ консульскимъ уставомъ. Вѣрны (см. стр. 110—111) его указанія на промахи нашего консульскаго устава.

Въ главѣ IV и послѣдней (отъ стр. 94 до стр. 196) нашъ авторъ излагаетъ очень подробно, ясно и толково содержаніе (существо), консульскихъ учреждений; именно—вопросы о назначеніи консула, объ *exequatur*, права и обязанности ихъ, функціи ихъ; при чемъ эти вопросы ставятся и рѣшаются отдѣльно относительно консуловъ на Западѣ и на Востокѣ, отличающихся *главнымъ образомъ* тѣмъ, что первые почти лишены судебныхъ функцій (въ области спорной юрисдикціи—вполнѣ, кромѣ права быть третейскимъ судьей, въ области же охранительнаго судопроизводства и нотаріальной части права ихъ очень ограничены), вторые же (на Востокѣ) являются тамъ не только консулами—чиновниками, агентами правительства, охраняющими социальные интересы, особенно же интересы торговли и мореплаванія, но и

судьями въ дѣлахъ спорной юрисдикціи по гражданскимъ, торговымъ и даже уголовнымъ дѣламъ, почему консулы на Востокѣ имѣютъ свою судебную организацію.

Авторъ обстоятельно разсматриваетъ французскую, англійскую и русскую систему организаціи консульскихъ судовъ, отдавая (вслѣдъ за проф. Стояновымъ, Ф. Мартенсомъ и В. Даневскимъ) предпочтеніе англійской организаціи за ея единство, коллегіальность, введеніе суда присяжныхъ и близость высшей инстанціи къ низшимъ. Къ сожалѣнію, авторъ, слѣдуя во всемъ указаннымъ писателямъ, упустилъ изъ виду ихъ указанія на другую особенность въ функціяхъ и характерѣ консуловъ на Востокѣ — на представительный (государственный) характеръ ихъ на Востокѣ, приближающій ихъ къ дипломатическимъ агентамъ, что объясняется и оправдывается вполне тѣми же соображеніями, которыя приводятся этими писателями (и самимъ авторомъ) въ пользу юрисдикціи консуловъ на Востокѣ по дѣламъ гражданскимъ, торговымъ и уголовнымъ.

Безспорно выдающаяся часть этой главы выражается въ попыткѣ автора указать на дурныя стороны современной консульской юрисдикціи. Въ настоящее время, какъ извѣстно, поднять серьезно вопросъ о непригодности консульскихъ судовъ вообще и о замѣнѣ ихъ смѣшанными судами; взложенію ученія о послѣднихъ по египетскому образцу нашъ авторъ удѣляетъ конецъ этой главы, присоединяясь въ конечномъ итогѣ ко мнѣнію объ ихъ недостаткахъ, объ ихъ будущемъ и необходимыхъ реформахъ въ нихъ, высказанному графомъ Комаровскимъ въ его сочиненіи „О международномъ судѣ“. вмѣстѣ съ тѣмъ неизвѣстный авторъ (стр. 158—164) *усматриваетъ въ соединеніи исполнительной (административной) власти съ властью судебною—главный (принципіальный) недостатокъ, существующій въ консульской юрисдикціи на Востокѣ.* Приводя (стр. 158—159) мотивы къ нашему Уставу гражданскаго судопроизводства и мотивы изъ объяснительной записки къ нему графа Блудова, столь мѣтко и характерно рисующіе принципіальную невѣрность и практическую опасность соединенія въ одномъ лицѣ (и въ одномъ учрежденіи) властей административной и судебной, нашъ авторъ весьма вѣрно указываетъ на то, что *консулы на Востокѣ—отправители правосудія и вмѣстѣ съ тѣмъ административные чиновники* (стр. 160), надѣленные при томъ (въ русскомъ консульскомъ уставѣ) и дискреціонной властью и зависимые отъ высшихъ дипломатическихъ чиновъ. Отсюда и неурядицы консульской юрисдикціи: имѣя въ своихъ рукахъ полицейскую власть и власть судебного слѣдователя, консулы привлекаютъ обвиняемаго къ тому суду, въ которомъ сами же отправляютъ право-

судіе; налагаю на виновнаго наказаніе, консулы сами приводятъ приговоръ въ исполненіе. Вотъ почему, не нарушая калитуляцій, смѣдовало бы, по мнѣнію автора, *передать чисто-судебныя функціи спеціальнымъ „консуламъ-судьямъ“* (на подобіе consuls-juges при французскомъ консульскомъ судѣ въ Александріи) независимымъ; для смѣшанныхъ же процессовъ составлять особыя смѣшанныя комиссіи изъ такихъ же судей-консуловъ. Тогда возможно будетъ получить „независимость судебной власти, отдѣленіе ея отъ администраціи и компетентность ея въ юридическихъ вопросахъ“. Для такой компетентности нужно еще солидное образованіе консуловъ и опредѣленіе продолжительнаго стажа, который авторъ и рекомендуетъ по французскому образцу (еще 1776 года). Эти мысли автора *довольно оригинальны*; раньше мы встрѣчали лишь *намекы* (у писателей) на такую постановку дѣла реформы консульскихъ учреждений. Мысль правильно поставленная авторомъ, дѣльная по существу.

Принимая во вниманіе основательное ознакомленіе автора съ русской (и нѣкоторыми сочиненіями иностранной) литературы, добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, ясное, толковое изложеніе его, *вѣрное* пониманіе своей задачи, попытки къ самостоятельности (иногда очень удачныя), умѣніе ориентироваться въ разнообразіи мнѣній, я полагаю бы, что неизвѣстный авторъ *вполнѣ заслуживаетъ награжденія премією покойнаго Д. И. Каменовскаго*.

Профессоръ В. П. Даневскій.

17 декабря 1892 года.
Харьковъ.

Въ Медицинскій Факультетъ.

РЕЦЕНЗІЯ

на сочиненія, представленныя на соисканіе золотой медали.

1. Сочиненіе съ девизомъ „Feci quod potui“ etc.

Внѣшняя сторона этого труда недостаточно обработана, замѣчается несистематичность, мѣстами и неравномѣрность: въ изложеніи, наиримѣръ, методики есть не мало лишняго, напротивъ, описаніе опытовъ сжато до лаконичности и кое гдѣ даже неясности. Въ отдѣлѣ литературы по вопросу о вліяніи механизма кровообращенія и мышечной дѣятельности на содержаніе гемоглобина и кровяныхъ тѣлецъ въ крови, составляющему заданную факультетомъ тему, существуютъ большіе пробѣлы.